

Коржанов А.В.

МАБУТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Коржанов

Мабута

«Автор»

2019

Коржанов А. В.

Мабута / А. В. Коржанов — «Автор», 2019

Повесть о том, как проходила служба в строительных частях Вооружённых Сил СССР обычного сельского парня. Время, когда эпоха "застоя" сменялась новым курсом страны. Менялись генсеки и министры обороны, но ничего не менялось в стройбате. Так называли тогда подобные подразделения в Советской Армии. Содержит нецензурную брань.

© Коржанов А. В., 2019

© Автор, 2019

Коржанов А.В.

2018 г.

Все фамилии изменены, совпадения случайны.

Основано на реальных событиях.

МАБУТА

“Мабута” – так презрительно называли служащие регулярных строевых подразделений солдат стройбата. За униформу, потрепанный вид, отсутствие строевой подготовки и умения обращаться с оружием.

«Я танк не водил, не стоял на часах!
Не чистил затвор автомата.
Я брёвна, как женщин, носил на руках!
Свой долг, отдавая стройбату...»

Эти слова пелись под гитару в казармах в те минуты, когда можно было перевести дух от службы. Пели на мотив группы Deep Purple «Гимн восходящему солнцу». Стройбат. Это хлёткое слово слышали многие. Для одних оно означало место, где проходят службу никчемные пацаны, которые не в состоянии служить в нормальных войсках. Другие вообще ставили знак равенства между «Стройбат» и «Дисбат». Для третьих, это реальная служба!

«Кто не был – тот будет! Кто был – не забудет 730 дней в сапогах!» – такие слова украшали каждый дембельский альбом. В восьмидесятые годы у парней не возникало даже мысли о том, что в армию можно не пойти! Это было бы просто позором. Конечно же, на границу! Или танкистом! А лучше десанником!

После последней медкомиссии от военкомата, в солдатском вкладыше Костиного военного билета написали: «ВСО – остальное пополнение». Что означала эта надпись? «Годен к строевой» – так было написано у него в военном билете. А «ВСО» – что это? Им призывникам никто так поначалу и не объяснил.

Карась, он же Константин Карасёв, проснулся, потому что замёрз. Долго соображал, что за сетка находится у него над головой. Подтянул к подбородку синее верблюжье одеяло, брошенное поверх влажной простыни. Ё-моё! Да он же в армии! На два года! Мозг никак не мог привыкнуть к этой мысли. К ней и привыкнуть то было невозможно. Только ужиться с ней, но организм пытался её отторгнуть всеми силами. Костя прислушался, к размеренным шагам в казарме.

Цок! Цок! Цок! Подковки на кирзачах отсчитывали секунды. По «взлётке», поглядывая на наручные часы, медленно двигался дежурный по роте. «Взлётка» – это широкая размеченная часть пола, разделяющая казарму на две половины. По обеим сторонам стояли двухъярусные кровати. Цоканье сапог прекратилось. Дежурный замер.

– Ро-о-о-та! Подъём!!!

Эту мерзкую фразу нельзя забыть! Даже сейчас, спустя тридцать с лишним лет, Костя не мог её слышать спокойно. А тогда она звучала, как гром среди ясного неба, причем всегда неожиданно! Неожиданность! Вот основная характеристика этой команды! Даже когда проснёшься без двух минут, как сейчас это сделал Карась, она звучит выстрелом в ночи.

– Строиться на взлётке, время пошло!

Пошло оно... Оно помчалось! Откинуть ногами одеяло! Вскочить! Стряхнуть с шеи того, кто упал на неё сверху, и найти свои ноги, а не чужие! Потом натянуть штаны, куртку х/б, запутаться в портянках и упасть в сапоги. Ремень, пилотка, пуговицы!

Дежурный по роте наблюдал незабываемое шоу! Два брата туркмена исполняли лезгинку! Засунув по одной руке в одну гимнастерку, они яростно дрыгали ногами и свободными

руками! Рядом же, не поделив сапоги, обнявшись, разучивали летку-енку украинец и русский! Пытаясь прыгать синхронно, они заваливались то на один, то на другой бок! Невозмутимый удмурт выделял отличный гопак, лихорадочно приседая и собирая, все, что выпало из карманов, и одновременно накручивая портянки!

– Отставить! Не уложились! Ро-о-о-та! Отбой!!!

Это курс молодого бойца – КМБ. Новобранцы еще не приняли присягу, у них особый распорядок дня, как минимум недели две. Два года! С ума сойти! Хотел в армию? Получи! Нет. В такую армию Карась не хотел! А ведь как всё перевернулось с ног на голову!

– Ну-ус! Молодой человек! Как зовут? – председатель призывной комиссии, похожий на доктора Айболита из сказки, прищурившись, смотрел поверх очков.

– Константин.

– Угу, Константин!

– Потапович! – подсказала сидящая рядом медсестра, посмотрев в карточку.

– Потапович? – оживился доктор. – Где бы желали служить, Потапыч? А?

Странный вопрос и чего это он такой радостный? И, когда это спрашивали желание? Червячок смутных сомнений проснулся, устроил потягушечки и напрягся.

– Хочу в ГСВГ, связистом! – Костя, насторожился, но ответил ровно, почти по-военному.

– О!!! Я! Я-а! Натюрлих! Дойчланд, фройляйн, фатерланд! – розовое лицо доктора стало шире, он снял очки, стал их протирать и взглянул на медсестру, призывая разделить с ним его восторг.

«Обкурился, что ли?» – подумал, раздражаясь, Костя и стал ждать продолжения, а червяк смутных сомнений сделал шпагат и стал в боевую стойку.

– Вы слышали, Зиночка? Потапыч в Германии связь налаживать желают-с!

Зиночка вздохнула, отвернулась к окну, всем своим видом показывая, как же они ей все надоели, и доктор в том числе. «Айболит» напялил очки, подкрутил усы, как Буденный на параде, не хотите веселиться, не надо. Скучные люди!

– Увы! Молодой человек! Мы не можем так вот расточительно разбрасываться кадрами! Для вас особое задание на все два года! Тезке привет!

Доктор что-то записал на листке, сгреб все бумажки в кучу и протянул их Косте: – Удачи! Зови следующего!

– Ну, точно обкурился, Айболит или таблеток наглотался! Какому тезке? – пробормотал Карась и вышел в коридор.

– Ну? Куда? А? – обступили его такие же, как он пацаны. Как же всё-таки меняет людей одежда и волосной покров. Без всего этого, парни выглядели, как одуванчики после сильного ветра. Наголо стриженные головы, синюшные конечности, покрытые пупырышками из-за холода в коридоре. У всех растерянные глаза.

– Доктор или пьяный, или под кайфом! – сообщил им Костя. – Несёт пургу, и лучше молчите, а то на Камчатку сошлёт.

– А тебя то куда? Что написали?

Несколько пар глаз уставились на надпись «ВСО – остальное пополнение. К -220».

– ВСО это что? – спросил один из них!

– Ладно! Он потом узнает и нам скажет! – отмахнулся другой, и все потеряли к теме интерес. Каждого заботила своя военная судьба. Однако, спустя час, у всех появилась такая же надпись.

– Смотрите! К-220! Может это номер подлодки? Как К-17?

До этого Костя не прислушивался к взволнованному гулу толпы, а тут как током ударило: « Особое задание на все два года! Подлодка! В плаванье на два года! Нырять и концы в воду!» (Червячок внутри забился в экстазе).

Черные, как переспелые черешни глаза, обожгли Костю.

– Нет! Не против!

– Все «За»?! «Воздержавшихся» нет?! – Светка развеселилась. – Ну, тогда пошли!

Она подхватила Костю под руку и увлекла в темноту аллеи за собой.

– Во де-е-ела! – Сёма почесал своей здоровой пятерней затылок.

– А я смотрю у вас тут весело! – Валерка рассмеялся. – Растешь, молодёжь!

Полная луна освещала тропинку, до блеска вытопанную босыми ногам ребятни. Вишнёвая аллея была длинной, аромат цветов дурманил и без того ошалевшего Костю. Да, Светка ему нравилась. Из нескладной девчушки, которой палец в рот не клади, за год, что его не было дома, она превратилась в настоящую девушку. Чернявая, с тонким станом и гибкими руками, вечно говорливая, она шла молча рядом. Её локоть, неожиданно горячий, прожигал Карасю бок.

– Писать мне будешь? – спросила она шёпотом.

– Буду, а ты? – он тоже ответил шёпотом, просто машинально.

– И я! А что ты шепчешь? – громко и насмешливо спросила Светка.

– А ты? – удивился он.

В ответ она звонко рассмеялась и обожгла его неожиданным поцелуем: “А сам то что? Без команды уже не можешь? Тогда команду – догоняй!”

Она опять рассмеялась и помчалась вперед по лунному лучу. Конечно, он её догнал. На своей улице он бегал быстрее всех. Девичьи руки обвили его шею, и мягкие губы выдали приз за победу в этой лунной эстафете. Когда они вернулись к дому, притихшие и молчаливые, ребята танцевали под магнитофон.

– О!!! Мы их ждём, ждём! Ну, что? Темнота и правда, друг молодёжи? – Сёма хотел отпустить очередную шутку, но его нос уткнулся в кулак Кости.

– Светка! Ты что? Я вот матери всё расскажу! – сестра подскочила к ней и дернула за руку.

– Рассказывай, только про что?

– Ну, что ты...

– Что я Костю в армию провожаю? Так это теперь все знают, – Света прижалась к плечу парня, он обнял её одной рукой.

– А пошли за стол? – Хомичев, как коса луговые цветы, сгрёб в охапку всех кто стоял рядом и увлек во двор.

«Куда? Куда? Туда, туда» – поезд отстукивал на стыках рельс вечную свою песню, оставляя позади провода, первый поцелуй, друзей и родных.

Мы прощаемся у порога,

Обнимите меня покрепче,

Впереди нелегка дорога,

Возвращаться намного легче...

“Всем призывникам строится во дворе военкомата!” – зычный голос старшины перекрыл шумный говор провожающих, и призывников. Солнце уже взошло, и тёплое майское утро окутывало Таганрог золотистым тополиным пухом.

– Равняйся! Смирно!

«Разнокалиберные» будущие солдаты выстроились в одну шеренгу. Старшина зачитал список, недосчитались двоих.

– Ну, как обычно! – военком нахмурился. – Так! Старшина, этих в автобус и по адресам! К 10-ти быть в Батайске! Выполнять!

Ворота автоматически открылись.

Автобус, неожиданно для всех, рванул из двора. Обдав сизым дымом обалдевших провожающих, грохоча по брусчатке, помчался по улице.

– А проститься?!?! – ахнул кто-то из ребят.

– Долгие провода – долгие слезы! – старшина отрубил, как отрезал. – Нам ещё по городу мотаться!

Из двоих не явившихся, одного нашли сразу. Во дворе частного дома, по адресу, стояли столы. Гости, точнее те, кто не смог уйти, дремали то тут, то там. Под раскидистой яблоней, в обнимку, спали два парня. Оба были стриженные «под ноль». Старшина хмурым взглядом осмотрел оставшихся гуляк.

“Кого провожали?” – поинтересовался у мужика, который пытался налить пиво в стакан, но никак не мог попасть. Мужик с удивлением, как пришельцев, осмотрел вошедших. Хотел что-то сказать, не смог и ткнул пальцем в сторону яблони.

– И который? Оба лысые! – старшина крикнул и посмотрел на сержанта.

– Да... Примета не работает! Погоди-ка! – он присмотрелся, потом перевернул одного на бок. На плече у него синела надпись: «ПВ ДМБ-83».

– Ясно! Второго грузим!

По следующему адресу их встретили работники скорой помощи. Они оказывали эту самую «скорую помощь» призывнику.

– Представляете? Головой пытался кирпич разбить, – хохотнул фельдшер, – и расколол всё-таки!

– Кирпич? – удивился старшина.

– Ага! Кирпич! Голову! – фельдшер весело махнул водителю. – Грузим, страдальца!

– Куда грузим? Это наш клиент! – старшина шагнул, преграждая путь.

– Черепно-мозговая с сотрясением! – поднял палец вверх медик и добавил, – в ближайшее время в армию точно не пойдёт!

– Митька!!! Ты мне кирпич бракованный подсунул! – вдруг заорал пострадавший.

Митька, поправил, берет десантника на квадратной голове, мотнул этим беретом в сторону груды кирпича.

– Все одинаковые, салага! Не могёшь, не берись! Никто кроме нас! – стукнул себя в грудь и утопил берет вместе с головой в тарелке с салатом.

– Тьфу! – сплюнул старшина, – Не отпишешься теперь! Сержант, запиши данные бригады, и поехали, опаздываем!

Парень, сидевший рядом с Костей в автобусе, протянул ему руку для знакомства.

– Серёга! – представился он. – А я тебя в институте на «парах» видел!

– Ага! И я тебя! Меня Костя зовут!

– Что будем вместе держаться? Хочешь анекдот? Был на Диком Западе бандит-одиночка по прозвищу «неуловимый Джон»! А знаешь почему «неуловимый»?

– Потому что никто не мог его поймать? – Костя серьёзно посмотрел в глаза новому приятелю. – Да?

– Нет! Потому, что он нахрен никому не нужен был, ловить его! – Серёга так заразительно засмеялся, что “грохнул” от смеха весь автобус. Смех разрядил обстановку, парни стали знакомиться.

– Ну и добре! – кивнул старшина. – Давай Валера, гони до Батайска! Опаздываем же!

Батайская пересылка занимала огромную территорию, обнесённую бетонным забором.

К таганрогскому призыву подошёл капитан в сопровождении двух сержантов. Он забрал документы, просмотрел.

– Так! Построиться в шеренгу, рюкзаки и сумки перед собой, открыть и приготовиться к досмотру! Водку лучше достаньте сами. Найду – разобью!

Построились, выставив вещи, и никто ничего не достал.

– Хорошо! Вперёд! – скомандовал капитан сержантам. Те послушно стали ковыряться в вещах.

– Вот блин, – прошептал Серёга, – пузырь найдут!

И оказался прав. Злополучная бутылка была извлечена на свет

– Так! А это что? – строго спросил капитан. – Я, что про водку говорил?

– Так Вы же про водку! А это спирт! – Серёга нагло уставился прямо в глаза офицеру.

– Ах, спирт?! А ты гляжу грамотный?

– Первый полный курс радиотехнического института! – бойко отрапортовал парень и не отвел глаз.

Костя дёргал его за штанину, но тот отмахивался опущенной рукой и нагло тарасился на капитана.

– Сержант, бутылку в расход!

Сержанты переглянулись, у них в глазах застыл просто неопиcуемый ужас! Спирта было жалко.

– Я не понял! Кого ждём?!

Бутылка разлетелась на мелкие осколки. Лужа запарила, на успевшем нагреться асфальте.

Вся шеренга и сержанты тоже, жадно втянули воздух ноздрями.

– Отставить дышать! Шеренга два шага назад! – капитан рявкнул так, что вздрогнули даже сержанты.

– Ну, вот! Отставить дышать, есть, пить и спать! – Серега тихо рассмеялся.

Когда осмотр был окончен, поступила команда в 15.00 строиться на плацу, для дальнейшего размещения.

– За периметр ни ногой! Всем находится в обозначенном квадрате!

– Ага! Свобода! – Костя потянулся и спросил нового товарища. – Что делать будем?

Тот обвел взглядом территорию. Худой, с оттопыренными ушами, среднего роста, он был похож на пирата. Просто вылитый флибустьер занятый обследованием морского пространства.

– Слушай...! А ты в Батайске был?

– Нет! А ты? – спросил Константин.

– И я не-е-ет... – задумчиво прищурился тот, и что-то решив для себя, выпалил,

– Погнали!!!

– Куда? – изумился Карась.

– В город! Куда же ещё? – удивился Серый.

– В город? А как? – огляделся Костя.

– Через забор!

Карась с сомнением оглядел ограждение. Метра три в высоту, не менее.

– Да чего на него смотреть! Пошли! Не может быть, чтобы на такой территории не было лазейки! Как-то же они туда ходят!

– Кто они? – уставился на товарища Костя.

– Ой, ну не могу! Те, кто тут служит!

– А что? Тут кто-то служит?

– А сержанты, по-твоему, откуда? Они, что в город не ходят и водку не пьют? Короче, за мной!

Ребята двинулись вдоль забора. Через несколько минут они нашли то, что искали. Автомобильный бокс примыкал вплотную к плитам. Стык забора был натёрт до блеска. Сколы и выемки на стене явно помогали форсировать эту преграду.

Раз, два и вот уже Серёга оседлал верхушку забора. Карась, рванул за ним, но чья-то рука грубо схватила его сзади и сдернула на асфальт.

– Стоять! Ты, тоже слезай!

Позади Кости стоял майор с красной повязкой на рукаве. «Дежурный по гарнизону» – гласила надпись.

– Слазь, слазь! Друга бросишь?

– Не брошу! – Серёга спрыгнул, стал с Карасём рядом, прижался плечом.

– Ка-а-ак фамилии? Откуда?

– Хлопну в ладоши, рвём в разные стороны! – прошептал Серый и громко хлопнул ладонями. Хлопок прозвучал так неожиданно, что майор ничего не успел сообразить. А ребята сорвались с места и помчались в разные стороны.

– Куда?!! Стой, заразы!!! Кому сказал!

Да, где там! Костя остановился, когда закололо в боку. Он ещё минут двадцать искал место, откуда они начали свою компанию. Там на пустом барабане от кабеля, как на бочке с ромом, сидел Сергей и грыз семечки.

– Я уж думал ты в Таганрог побежал! – он весело засмеялся и протянул руку. – Поклюёшь?

– Ну, Джон! Ты даёшь! – Карась подставил ладошку.

– Джон?!

– Ну, а кто?! Не поймали? Не поймали! Потому, что не гнались! – Костя рассмеялся, вспомнив лицо майора. – Значит, не нужен ты никому!

– Да пока мы присягу не приняли, можем хоть бегать, хоть прыгать! И ничего нам за это не будет! – сплюнув шелуху, поддержал веселье Джон.

Так к нему приклеилось это прозвище и началась их дружба. Они сблизились еще с парой ребят из Таганрога. Держались вчетвером. Парни уже знали, что их ждёт стройбат.

Двое суток на пересылке тянулись словно две недели. Призывников развлекали, как могли. Кино, лекции, товарищеские матчи по футболу. Огромные казармы, неудобные кушетки на четверых, санузлы с “антисанитарией”. Всё закончилось в один момент. В два часа ночи.

– Команда! Подъём! – ответственный офицер, стоял вытянувшись в струнку. – Строится на плацу! С вещами!

Ночной Батайск, в свете фонарей, казался «киношным» павильоном. Топающие колонны призывников нарушали тишину спящих улиц. Через четверть часа, команда К-220 заполнила часть перрона железнодорожной станции.

– По ваго-о-нам!

И вот уже сержанты умело раздробили людскую массу, и утрамбовали в вагоны. Перрон опять оказался безлюдным.

– Интересно! В какую сторону поедем? – Костя свесил голову вниз с верхней боковой полки и посмотрел на товарищей.

– Интересно не «в какую сторону»? А вообще куда? – Гриша Хабовцов или Гриня, как его все называли, усмехнулся. – А тебе какая разница, Костян?

– Если поедем на юг, станцию мою будем проезжать! Записочку кину на перрон! У нас все так делают!

– Какую ещё записочку? Зачем? – удивился Гриня. Чернявый, смуглый, он показал ослепительный ряд зубов в улыбке.

– Ну, как?! Что всё нормально, что еду в армию! – Карась не нашёл ещё аргументов и пожал плечами.

– А до этого ты куда ехал? В санаторий? – Хабовцов рассмеялся и махнул рукой.. – А как узнаешь, куда едем?

– Да я этот маршрут знаю! Сто раз домой из Таганрога ездил.

Но пейзаж и мелькавшие мимо поселения были не знакомы. Поезд явно шёл куда-то не туда.

Огни за окном мерцали,

Колёса мотали стыки,

Перроны, составы, вокзалы,

Всё дальше от пересылки...

Нужно было в школе учить географию родной страны.

Сызрань! Странное название для городка. Замызганный перрон с одной стороны и искусственная возвышенность с другой. Туда подъезжают машины к дверям товарных вагонов, чтобы загрузить или выгрузить груз. На этой возвышенности покрытой травой, лёжа, сидя и стоя, ожидала чего-то команда К-220. Их выгрузили, а состав погнали дальше.

– О! Идёт! Сейчас начнётся хоть какая-то движуха! – Джон толкнул Карася в бок.

– Сы-з-рань! – Костя катал имя городка на языке, – Рань! Сыз! Сызрань! Ну и название!

– Ага! А как тебе Семикаракорск? – Джон рассмеялся. – Не имя красит город, Костик!

– А что?

– Девушки! Девушки красят города!

– Я вот посмотрю, умник, что будешь красить ты, когда мы приедем в...

Закончить фразу Карась не успел.

– Строится в колонну и вперёд шагом марш! – сержанты подняли новобранцев привычно, как чабаны отару.

– Торопись! В баню идем! Мы договорились! – они стали по бокам и колонна двинулась.

Баня, это то, что нужно, а главное вовремя! Прошла уже почти неделя их походной жизни.

Все бани провинциальных городков, наверное, одинаковы. Выкрашенные в унылый синий цвет панели, оцинкованные тазы, ржавые трубы душевых. Минимум света, максимум кафеля, гулкое эхо и женщина-банщица. Разделись быстро, влетели мигом. Расхватали тазики и уже до драки, возле кранов с горячей и холодной водой. Пятнадцать минут на помывку одной партии, дремать не приходится! До всех уже дошла жизненно важная поговорка: «В кругу друзей, клювом не щелкай!»

– Мужики! Атас! Баба! – Коля Бутусов, четвёртый из таганрогского содружества, резко крутанулся вокруг себя, прижав руки к низу живота.

– Я тебе дам – «баба»! Это хто тут мужики? Горобцы желторотые! Это ты чего там татарва зажимаешь? Чего я там не видела?

Коля и правда, был похож на татарина, хотя считал себя русским. Он зыркнул на банщицу через узкий разрез глаз.

– Ну, женщина...

– Я тебе не женщина, монголоид! Я – банщица! Чуешь разницу? Нет? А я вот перекрою горячую воду и остужу тебе пыл, азиат! – она поставила картонный ящик на полку. Откуда-то из недр синего халата вытащила связку мочалок.

– Мыло разбирайте и мочалки! Му-у-жики!!!

Совершенно не прикрываясь, пялясь на банщицу в упор, Костя подошёл к ней и протянул руку.

– Ну, да! Я принеси, я ещё им и выдавай! Сам бери, доходяга! – женщина смотрела строго, но бесенята, так и прыгали по тазикам из ее синих глаз. – Ладно, мойтесь, мешать не буду!

Она махнула рукой и ушла прочь.

Этой помывкой и запомнилась Сызрань. А новый поезд мчал их за Урал. Пейзаж менялся. Города чередой, как бусины чётки, толкались друг за другом: Волгоград, Саратов, Куйбышев ...

Путешествие из южных районов страны в сторону уральских гор продолжалось. За это время контингент команды менялся. Кто-то примкнул, кого-то забрали раньше. В пути ребята продавали или меняли тёплые вещи на еду и выпивку. Сержанты всё держали под контролем, и лучшее давно забрали себе. Так или иначе, но на станции под названием Уфа, на перрон

выгрузились, как на сочинский пляж. Шорты, трико, рубашки с коротким рукавом, майки и футболки.

– Вот это да! – кто-то присвистнул удивлённо. На перроне, вагонах и деревьях лежал снег.

– Снег, хлопцы! Завтра первое июня, а тут Зима!

Карась выпрыгнул из вагона и огляделся. Картина его потрясла настолько, что он первые пару минут просто разглядывал всё вокруг. Облезлые стены вокзала. Ветер играет окурками, обрывками газет, какими-то промасленными бумажками. Они кружились, и падали на грязный от пыли снег.

– Эй!!! Духи!!! Вешайтесь!

Улюлюканье и громкий свист, вывели Костю из оцепенения. У входа в вокзал стояла кучка солдат. Странно одетые, с чемоданами, они явно были выпивши.

– Дембеля! – догадался Серёга, стоявший рядом, и тоже удивлённо разглядывающий станцию.

– Душары! Готовьтесь! Башкирия ждёт вас!

Сапоги гармошкой, начищены до блеска. Лихо заломленные фуражки на пару размеров меньше, чудом удерживались на макушках. Аксельбанты, канты по всем швам из белой изоляции проводов, погоны и петлицы бархатные, офицерские.

– Вот вырядились! Мабута, а туда же – аксельбанты! – сплюнул проходивший мимо прапорщик.

– Иди себе «кусочек» куда шёл, пока не помогли!

Дембелям явно хотелось напоследок совершить подвиг, ну или подраться на худой конец.

– Патруль! – Карась сделал испуганные глаза и ткнул пальцем в конец перрона.

Дембелей как ветром сдуло.

– Ну, ты даёшь! Кто научил? – Джон хлопнул друга по плечу.

– Что пересылку уже забыл? Майора из патруля?

Патруль мог задержать любого воина за внешний вид, за поведение или «почему без шляпы». Забрать в комендатуру до выяснения. Патрулей избегали все.

Пока сопровождающие выправляли документы в военной кассе, команда стояла в углу огромного зала ожидания. Такого количества неопрятных солдат Костя ещё не видел. Русских было очень мало. В основном скуластые плоские лица с раскосыми глазами. В драных бушлатах и телогрейках, в шинелях до пят явно подобранных не по росту. Шапки! Вот что больше всего бросалось в глаза. Шапки выглядели так, будто в них прошли до Берлина, а назад пропинали ногам и выдали носить.

– Слушай, Серый! Вон киоск! Айда, купим пирожок! Есть охота! – Карась потащил друга в сторону киоска.

– Бирать что будете, молодые? Белешь, кумыс! Деньга есть?

Из киоска выглядывало лицо: черные брови, широкие скулы, усики над верхней губой. Пол не понятен.

– Не ешь здесь ничего! – Серега оттащил Карася от ларька. – В поезде купим чего-нибудь. Или потом на перроне пирожков с картошкой. Никакого такого мяса! Белешь ?!!! Это беляшь что ли? Фу!...

“Внимание! Поезд «Москва-Магнитогорск», отправляется с первого пути через 10 минут!” – выдало привокзальное радио.

Красивый женский голос, звучал так нереально в этом месте, что показалось это «глюки».

– Все за мной! Грузимся на «магнитогорский»! – один из сержантов махнул рукой и двинулся на выход.

Уже в поезде пришло осознание того, что их ждёт что-то неизведанное, а гражданская жизнь позади.

Стучат колёса, летят куда-то,

В края чужие меня везут.
И вот солдат я! Солдат стройбата,
И здесь два года мои пройдут...

Поезд двигался вперёд через множество тоннелей. Нависающие над вагонами скалы порой закрывали небо. Тайга... Она подмигивала редкими проплешинами полян и махала верхушками сосен.

– Никому не спать, скоро выходим!

Это «скоро» случилось только в два часа ночи. Станция с нерусским коротким названием Юша.

– Выходим быстро! Всем сесть на корточки возле вагона!

– Как «зэки»! – пробурчал Джон.

Присели на корточки, озираясь. Резкий запах хвои, свежих опилок ударил в ноздри.

– По одному! По ступенькам наверх! Пошли!

Забранный сеткой по бокам бетонный пяточок и длинная вереница ступеней ввысь. Сверху били прожектора, и раздавался громкий лай собак. Солдаты комендатуры в алых погонах командовали парадом. По одному заводили в маленькое помещение, где тщательно обыскивали.

Потом опять бегом, ещё выше. Наверху с автоматами наперевес стояли цепочкой солдаты ВВ (внутренние войска). Собаки рвались с поводков. Второй круг оцепления!

Метрах в ста дальше, в отвесах прожекторов, интимно приподняв подол еловых веток, показывала оголенные стволы-ноги Тайга. Карасю показалась, что она, прикрыв свои зелёные глаза, смотрела настороженно и осуждающе. Костя поежился. Чувство несвободы было особенно острым.

Их засунули в кузов тентованного ГАЗ-66.

– Так! Слушайте! Будут спрашивать, отвечаем: «Учились в радиотехническом институте, разбираемся в электронике, можем ремонтировать телевизоры!» – Костя выдвигал общую версию для своих товарищей.

– Нафига? – Гриня уставился на Карася. – Я не могу их ремонтировать!

– И я не могу! – не сдавался Костя. – Зато они ломаются у офицеров. И нас не заберут «на лопату». Попадём все вместе в одну часть.

– Ага, вчетвером в одну часть! Было бы не плохо! – Джон, почесал мизинцем переносицу.

– В смысле «на лопату»? На какую ещё лопату? – Коля поморгал своими раскосыми глазами и шмыгнул носом.

– Когда меня шмонали, я слышал, как переговаривались «красначи». Они говорили, что там, куда нас везут – Управление Начальных Работ. На рытье котлованов лопатами! – пояснил Карась.

Сырой воздух проникал под брезент, машина прыгала по бетонке. От этой тряски всё нутро больно отдавало под рёбра. Было холодно и мокро.

– Да, что за дорога такая?! Асфальта нет?

– Тут всего одна дорога! Бетонная! Больше дорог нет! – приоткрыв один глаз, сообщил сопровождающий ефрейтор.

– Как нет?

– Так! Нет! Дорог нет, заборов нет! Тай-га! Кругом куда ни глянь!

– В смысле заборов нет? – Гриня удивлённо посмотрел на вояку.

– А зачем они? Куда бежать знаешь? В какую сторону знаешь? Вот то-то и оно! – солдат опять погрузился в дрему.

– Вот это попали!

Дальше ехали молча. Выгрузились в странном месте. Посёлок, не посёлок, часть не часть!

Татлы – гласила надпись на дорожном знаке.

– Да... Правильно назвали! Полные ТАТЛЫ! – Джон присвистнул. – Здесь, что сель сошел?

Везде была сплошная «грязюка–муляка». Липкая жижа, покрывала всё вокруг. То, что называлось дорогой, ничем не отличалось от обочины.

“Дожди прошли”, – прокомментировал меланхолично ефрейтор.

Всех завели то ли в клуб, то ли в «Красный уголок» казармы. Поперёк стояли столы, за которыми сидели офицеры чином не ниже майора.

“Покупатели! Щас вас делить будут, – ефрейтор потянулся сладко, – по частям разберут и увезут”. Он улыбнулся, увидев испуганные взгляды и исправился: “В военные части распределяют”.

– Как рабов на невольничьих рынках? – Коля беспомощно посмотрел на товарищей.

– Тебе то что? Ты к своим попадёшь! – Серёга серьёзно посмотрел прямо на Бутусова.

– К каким еще «своим»? – У Коли глаза расширились так, что черты лица стали почти славянскими.

– К башкирам, ясен пень! – Джон не удержался, засмеялся и ткнул того в бок локтем.

– Разговорчики! Называют фамилию, подходим к столам.

Офицеры читали личные дела, откладывали себе на стол, вызывали, задавали вопросы.

Только что в зубы не смотрели. План не сработал. И не мог сработать! Зачем в одной части четыре телемастера? Об этом никто даже не подумал!

Карася забрали и отвели в другую комнату. Там были такие же отобранные кандидаты. И вот уже другая машина, разрезая фарами тайгу, мчит его к месту службы.

– Ох! Чёртова бетонка! – простонал один из пассажиров.

– Отставить вспоминать рогатого, на ночь глядя! – пробурчал сопровождающий их прапорщик. Он тоже почему-то поехал в кузове.

– Пока эту бетонку построили, тут всех вспомнили и Бога и Чёрта! – он закурил.

– Почему?!

– Да потому! В сталинские времена тут ссыльные жили. Что-то типа ГУЛАГа. До тех пор в этих местах сами башкиры промышляли охотой. Заготовленную пушнину везли в Оренбургские степи и меняли на зерно или товары разные. А когда пришли солдаты, стали тянуть дорогу к горе Ямантау. Мы сейчас едем к подножию этой Злой Горы. Так они её называют. Так вот за световой день укладывают пару километров этой бетонки. А к утру глядь, половины нет. Мистика! Сразу не понимали, куда деваются плиты. Оказалось, что башкиры ночью грузили их на подводы и прятали в тайге. Так и маялись, пока не стали патрулировать всю дорогу. Потом жителей организовали, детей в интернаты. Стали строить посёлок. Теперь дорогу не разбирает никто. Да и ВВ-шники контролируют всё вокруг.

Дальше ехали молча, изредка выглядывая из-под брезента. Тайга, кругом, куда ни глянь.

Утренний подъём вернул Карася из объятий морфея прямо в первую роту. Не было в части ещё отдельной роты для карантина. Им выделили кусок казармы в дальнем углу. Дежурный по роте отгонял старослужащих пытавшихся к ним приблизиться.

Так случилось, что призыва не было осенью. И в первой роте, да и во всей части были «черпаки» (прослужившие год) и деды с дембелями. Гонять было некого. И все надежды на мщение возлагались на вновь прибывших.

– Духи! Вешайтесь! – доносилось издали.

«Заклинило их, что ли на этой фразе? Может, мы захотим отравиться или застрелиться?» – раздражённо подумал Костя. Однако, если подумать – стреляться тут не из чего, а кормят так, что круче отравы и не придумать! И правда, только вешаться!

– Карантин! Гольий торс, строится на плацу!

Построились быстро, утро было холодным.

“Кругом! Умыться бегом марш!” – скомандовал молодой лейтенант замкомвзвода Петров и припустил вперёд, перепрыгивая через лужи. Выбежали за КПП и потрусили по той же бетонке. Через пару километров взвод застонал. Все кто не так замотал портянки или вовсе этого не сделал, захромали.

– Взвод стой! Раз-два! Подошли к речке и умылись!

Маленькая горная речушка, шириной каких-то 6 метров.

– Ай! Лёд! – завопили новобранцы. Ледяные иголки, мчащиеся в горном потоке, царапали кожу. Вода обжигала лицо.

– Отставить вопли! – лейтенант плескал на себя водой и обтирался до пояса.

– Морж башкирский! – проворчал Гоша Верёвкин. Он выудил из потока пригоршню льда, приложил к синяку под глазом.

Кто смотрел фильм Неуловимые Мстители, помнит Яшку Цыгана. Вот это и есть Верёвкин. Один в один! Только лысый. Потом у него отросли волосы! Кудри чёрные, естественно! Родом он из Горького и вчера подбивал своих земляков не давать себя в обиду. Сержант Гурешидзе, один из командиров отделения карантина, хотел исправить ему осанку и ударил в грудь кулаком. Гоша ответил сразу. Пара горьковчан тоже заскочила в каптерку, куда сержанты уволокли Верёвкина. После пятиминутного грохота, дверь открылась. Вышли потрепанные сержанты и новобранцы с отметинами на лице. Грузины узнали, что есть такой город – Горький. Горьковчане узнали, что Авто это не машина, а уменьшенное имя сержанта. Его звали Автондил.

– Запишусь в сержантскую учебку, стану сержантом и буду изводить этих чернозадых! – Гоша белозубо оскалился.

Костя увидел там прореху.

– Ну, да! Зуб тоже выбили, суки! – Верёвкин сплюнул.

– Взвод! Строиться! Бегом марш!

Со стонами, вздохами, зелёная гусеница двинулась в обратный путь. Впереди, им навстречу бежала новая группа жаждущих омовения.

– Костян! Карась! Ура! Мы здесь!

– Тебя что ли? – Гоша толкнул Карася и показал на троих лысых парней машущих полотенцами.

Когда группы поравнялись, Костя увидел своих товарищей, которые оставались в Татлах.

– Вперёд! Не тормозить!

Пока Костя бежал, он лихорадочно думал: «Как это? Откуда?» Они появились сами к обеду. Оказалось, что их часть прикомандирована к части, где служил Карась. У них одна столовая, один клуб, их штаб через стенку, а заборов тут нет!

– Живём! Хоть видеться будем! – Джон обнимал кореша и тискал его, так как будто сто лет не видел

– Слушай, Костян! Я тут узнал, через неделю присяга! А потом будут на учёбу посылать! Просись хоть куда! Я в учебку сержантскую хочу. Главное уехать отсюда и вернуться с профессией военной. Иначе – лопата! К гадалке не ходи!

До присяги еще нужно было дожить. Карась богатырской мощью не обладал, «ростовской диаспоры» не имел. Нарвался сразу же после занятий. В коридоре казармы не пропустил вперед двух близнецов туркменов. Два одинаковых степняка, на полторы головы выше его, грозно уставились на Костю сверху вниз.

– Ти, чито? Борызий? – коверкая русский язык, сплюнул презрительно один из братьев.

– Ни-ет! Она бесстрашный! Куда прёшь, ты, что юрты попутал? – прошипел второй. Они сдвинули плечи.

– Айда, пошили выйдем!

Ну, да! Выйдем и больше не зайдём. Только Костя сразу для себя решил, будь что будет, а в обиду себя не даст! Хоть убей!

– Русский выучи сначала, потом бурей! – он двинул внизу сапогом и попал в один из четырёх. – Некогда мне сейчас! В три! За казармой возле туалета! Чтобы были! Ясно!

Движущийся через коридор поток солдат помог растолкать обалдевших от такой наглости туркменов.

– Пойдёшь? – подошёл к нему невысокий, но крепко сложенный паренёк.

– А тебе что? – Карась посмотрел на него с подозрением.

– Меня Коля Буранов зовут! – улыбнулся парень и протянул руку. – Я – удмурт! Давай дружить! Я с тобой пойду!

Живого удмурта Карась видел впервые!

– Костя! – он ответил, на рукопожатие. – Давай дружить, а со мной идти не обязательно. Я справлюсь! Наверное!

– Обязательно идти! Раз друг!

«Пришла беда открывай ворота»! Эта поговорка могла бы быть скороговоркой по скорости исполнения. Когда роту построили на обед, стали разделять не по сроку службы, а по росту. Не успел, Костя пару раз шагнуть в строю, как его нога сама взлетела вверх! При следующем шаге тоже! Кто-то бил снизу под каблук каждый раз. Карась оглянулся и уперся взглядом в горящие злобой глаза.

– Что дух? Ходить не умеешь? Что ногами дрыгаешь!

За его спиной, ниже его на полголовы шагало лицо какой-то кавказской национальности.

– Еще раз стукнешь, падла и я тебе эту ногу оторву! – рыкнул Карась и, подав тело назад, ткнул локтем наугад. По резкому вдоху и мату понял, что попал, куда хотел.

– Ты!... Ты душара! – зашипели сзади.

– В три часа за казармой возле туалета, приходи, побазарим! – Костя ещё раз ткнул локтем, но там были начеку. По ноге не били больше. В обед Карась еще раз увидел своих друзей. Но поболтать им не дали и о своей проблеме он сообщить не смог. И вскоре пожалел. Всех повели в клуб на кинофильм. Не успели пройти титры ролей, как с его головы сорвали пилотку. Он резко повернулся.

– Отдай!

Сзади сидел незнакомый парень, бритый наголо, на голове его красовалась Костина пилотка.

Дело в том, что головные уборы нужно было беречь. Пилотки и шапки терялись, отбирались, менялись на те, что поновее. Идёшь в туалет, головной убор снимай и зажимай руками, иначе просто сорвут и бежать. Догонять со спущенными штанами не вариант. По внешнему виду, бритый наголо солдат был не первогодок.

– Чего-то хотел, дух?

Сто дней до приказа! Стриглись наголо за сто дней до приказа на дембель! Карась сообщил, что это дембель и ему нужна была новая пилотка. Но и остаться без неё Косте тоже никак нельзя было. Он рванулся и быстрым движением вернул её себе.

– Ты чо?! Охренел! – дембель подскочил, но офицер, стоящий в проходе, цыкнул на него.

– В три часа за казармой первой роты! – буркнул Карась и понял, что ему конец.

– Не опаздывай, дух на свои похороны! – прошептал ему на ухо обидчик и затих.

Коля Буранов сидевший рядом, поерзал, поерзал, потом наклонившись к Косте, прошептал в ухо:

– Ты, давай, график равномерно распределяй, я же удмурт, а не чеченец! Надо бы ещё кого-то позвать!

– А кого? Мои друзья даже не знают. А я не знаю где их искать и время осталось час.

– Так может, не пойдём?

– Не пойдём сейчас – «зачуханят» не поднимешься! – Костя обреченно вздохнул. – Придётся идти!

– Ай, ладно! Одного барана дважды не режут! И как у нас ещё говорят: «Кто помогает сразу, тот вдвойне помогает»!

Час «икс» наступил. Они пошли за казарму. Там уже стояли истуканами туркмены, нервно курил кавказец в сопровождении двух друзей.

– Так! Эй! Иди сюда! Я тебя сейчас убивать буду! – увидев Карася, заверещал он, явно пытаюсь придать себе храбрости.

– Будешь, будешь! – успокоил его Костя. – Только когда твоя очередь подойдет!

– Какая ещё очередь! – прошипел тот.

– Не понял! Что за очередь? Зачем стоим? – спокойный голос заставил всех повернуться.

Дембель подошёл тихо и, выплюнув сигарету, повторил вопрос: “Какая очередь? Может, и я встану?”

– Встанешь! – Костя нервно сглотнул, – разбираемся сначала с близнецами, потом с чуркой, потом с тобой!

Несколько секунд лысый воин соображал, потом тихо засмеялся. Он присел на корточки и снизу вверх посмотрел на Костю.

– Ну, д’Артаньян ты даёшь! И со всеми бы дрался?

– Ну, как получится, а что есть варианты?

– Теперь есть! Эй, однойцевые, подошли сюда!

Туркмены переглянулись и подошли. Пилотка одного переключала на голову дембеля.

– В одной походите. Вопросы есть? Нет? Чухнули отсюда! Ты! – он кивнул кавказцу. – Сколько служишь?

– Год!

– Черпак значит? Духа захотел опустить?

– А что нельзя!

– Можно! Вас трое? Ну и нас трое! – он оглянулся на Буранова и Карасёва. – Давайте начнём!

Два ожидающих товарища с Кавказа испарились сразу. Их страдалец беспомощно озираялся.

– Догоняй их! Время пошло! – дембель подождал, когда тот припустил бегом прочь. Потом он повернулся и сказал: – Лады! Вопрос исчерпан, все свободны.

– И палец короткий бывает, так и люди не все одинаковы! – радостно засмеялся Буранов и хлопнул Карася по плечу. – Пошли брат! Устав учить! Слушай, кто придумал? Читайте, читаю – ни слова не запоминаю. Они пошли уставшие от напряжения и переживаний в свою казарму.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю Присягу и торжественно клянусь: быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников...

Шеренга молодых военных-строителей, дробила сапогами хрустящий лёд на плацу. Вот и очередь Кости. Он, чеканя строевой шаг, вышел вперёд. Текст присяги выучили наизусть, но всё равно читали, держа в руках красную папку. Роспись, поворот и назад. Всё. Теперь если что – «то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа».

“Товарищи солдаты! Поздравляю вас с принятием Присяги!” – зычно выкрикнул комбат майор Алексеев, по кличке «Тормоз».

– Пора валить, хозяин! – давно забытый червячок сомнений не разделял восторга командира части.

– Слушай, брат! Я всё узнал, – шептал Косте на ухо удмурт Коля, – через три дня будет распределение на учёбу. Нужно проситься! Куда – не важно!

Когда этот день наступил, их опять построили на плацу перед ротой.

– Сейчас будет зачитан список вакансий на обучение. Желающие делают шаг вперёд.

И Карась шагал! На каждую озвученную специальность! Вот уже отобраны кандидаты в командиры отделения, сварщики, пистолетчики, штукатуры. Костю не брали.

“А список кончится сейчас, – шипел червяк, извиваясь в истерике, – давай шагай бодрее, что ли? Может, грудь выпятишь? Или ждёшь вакансии на ликёро-водочный?”

– Учебка связи – 2 человека! Фамилия! – ткнул пальцем начальник штаба в Костю, который привычно шагнул вперёд.

– Военный – строитель, рядовой Карасев!

– Так! Карасёв! И вот ты, как фамилия?!

– Военный – строитель, рядовой Крылов!

– Отобраны! Всё! Вольно, разойтись! Кого записали – в штаб, документы оформлять!

Кто запрыгивал на подножку последнего вагона уходящего поезда, тот может понять состояние Кости. Вещмешок, сухой паёк и сопровождающий прапор. Девять человек в общей сложности, с прапорщиком во главе, увозил поезд с Урала.

Город Калуга, а точнее станция Азарово, встретили их настоящим летом. Как же хорошо!

– Товарищ прапорщик! Мы прошли мимо – вон же полк связи! – Юра Крылов на ходу показал на ворота с красными звёздами.

– Разговорчики в строю! – одернул его прапор и добавил: – Нам не сюда!

Им надлежало прибыть в учебную часть, где готовят электро-дизелистов для стройбата. Впрочем, выбирать не приходилось. На ближайшие четыре месяца, 6 рота №-ской военной части стала домом Карася со-товарищами.

На первом же построении выяснились интересные вещи.

– Рота равняйся! Смирно!

Вбивая сапоги в асфальт, командир роты майор Козлов, пошагал докладываться командиру части полковнику Козлову.

– Смирно стоять, команда была... – одернул солдат, командир их взвода, прапорщик Козлов.

– Мама дорогая!!! – Крылов закатил глаза. – Если сегодня на обед будет капуста, я не удивлюсь!

Удивляться можно было по другому поводу. Это была настоящая армейская часть! С бытовкой, с паркетным полом, с большой светлой столовой и тёплыми казармами.

Грубо сколоченные столы, опилки на полу и стойкий еловый запах Тайги, казались страшным сном.

Занятия в учебных классах занимали основное время. Периодически рота ходила в наряд по столовой и в охранение.

Костя был общительным человеком и быстро обзавелся друзьями. Так как он был очень коммуникабельным, то заодно и врагами. Точнее одним, но надолго.

Его звали Сашка Рыжов. Фамилия вполне соответствовала. Здоровенный детина, лет двадцати пяти, с рыжим ежиком волос. Белесые ресницы и брови, окаймляли бесцветные зенки. Веснушки покрывали всё его тело и ручищи тоже. На первых же практических занятиях по запуску дизелей, они схлестнулись. Подполковник, преподававший матчасть, ушёл куда-то ненадолго. За старшего оставил ефрейтора Хромова. Это звание автоматически присваивалось командиру отделения. Рыжов, вихляясь, встал и начал куражиться над Хромовым.

“А знаешь ты такую поговорку: «Лучше иметь дочь проститутку, чем сына ефрейтора?»” – он приблизил лицо к нему вплотную. Глядел немигающим взглядом до тех пор, пока тот не

отвел глаз. Подавив старшего, он победно огляделся, взял указку и что есть силы треснул ею по манометру на движке. Плюнул на плакат с изображением дизеля в разрезе.

“На место сядь!” – Карась произнес это неожиданно громко, даже для себя.

Рыжий крутанулся на голос и не успел спрятать испуг. Увидев, что в классе все те же лица, он покраснел от злости. Это было ещё то зрелище. Костя хмыкнул.

– Ты?!?! Ты кто? Тля! – Сашка приблизился угрожающе.

– Указку положи! – Карась очень старался, чтобы не дрогнул голос и выдержал его взгляд.

Внутри всё оборвалось, червяк дурных предчувствий упал в обморок.

– Задавлю, сволочь! – сильной пятерней Рыжов собрал всю гимнастерку Карася у него на шее.

– Дисбат и срок! – отчеканил Костя не моргнув.

Хлопнула входная дверь. Рыжий отпрыгнул от Кости. Потом провёл большим пальцем по своему горлу, сплюнул.

– Ты обалдел? Зачем?! – сидевший рядом Вася Косой, округлил глаза. Это было ещё то зрелище. Косой не фамилия, а кличка. Причём кличка негласная. За озвучивание клички, Вася бил сразу и без предупреждения. Причём одинаково с любой руки. Кулачищи, как два старых утюга на углях, грудь самоваром, при росте 1м 62 см. Его два глаза жили отдельной друг от друга жизнью. Когда Василий смотрел на собеседника, глаза изучали плакаты на стенах, причём это были разные стены. А когда он их отводил, оба глаза с интересом пялились на собеседника. Ох и помахал Вася кулаками, пока народ приучился различать это «зазеркалье».

– Даже я с ним не связываюсь! – Вася разволновался. И он, и оба его глаза впервые вместе посмотрели на Карася.

– А я знаю? У меня вечно так! – Костя вздохнул.

– Ну, теперь он тебя грохнет! – Косой поцокал языком, – если, что кричи! Если смогу, помогу.

– Ага! Крикну, если успею! Спасибо...

Командир взвода прапорщик Козлов, плотного телосложения, чернявый красавчик, преподавал им электротехнику. Карась на этих занятиях отдыхал, часто отвечал правильно на вопросы. Особенно понравилось Козлову знание Костей закона Ома. А когда Карась ответил, что импеданс это полное сопротивление двухполюсника, а не ругательство, как все подумали, он вызвал его к себе.

– Ты учился, что ли где?

– Да! Первый курс радиотехнического института, – Костя стоял смирно.

– Да ладно, вольно! Завтра рота в наряд по столовой заступает – будешь у меня на ложках!

– На ложках? – удивился Карась.

– На ложках! Постоянно из-за этих ложек сдачу наряда задерживаю! Считать то умеешь? Свободен!

В наряд по столовой заступали на сутки. У каждого свои обязанности: полы, столы, мытьё посуды, и все вместе ночью картошку чистить. А ложки! Выдавай, собирай, считай, сдавай! Красота!

Ложка на войне важнее винтовки.

Можно и руками воевать!

А без ложки, из котла перловку,

Разве что ладошкой доставать?

Небольшая комнатка, стеллажи и железные ящики с ложками. Этих вечно звенящих лопаток было более 500 штук. До этого, Костя думал, что ложка предмет неодушевлённый и статичный. Однако ложки уходили направо и налево! Офицер пришел – взял! Дембель пришел – взял! Две! Брали, а назад не приносили. Приходилось собирать по всей столовой, заглядывая

в каждую щель. Со стола вернули вроде десяток! Пересчитал потом – девять. К вечеру заглянул Козлов.

– Ну, студент? Как дела? Ложки считал? Сходится?

– Считал! Сходится! – кивнул Костя, думая, где же взять недостающих 8 штук.

– Ну, молоток! – прапор кивнул, выудил себе ложку из уже подсчитанной кучи и ушёл.

При сдаче наряда, Козлов изучающе посмотрел на «ложкаря»: “Восемь ложек не хватает? Ладно. Договорюсь! Но следующий раз будь внимательнее”.

Карась обрадованный, что так легко отделался, решил, что теперь будет смотреть в оба. Но следующий наряд по столовой это решение опроверг.

– Девятнадцать ложек?!?! Девятнадцать! Как я столовую сдавать буду? Ложки верни, и я тебя с них снимаю! – прапор выругался не по уставу и вышел, хлопнув дверью. Звон отозвавшихся на грохот двери ложек, показался Косте похоронным.

Столько ложек сразу было не собрать. Карась пошёл в обеденный зал и обрисовал своим товарищам проблему.

“Будем думать!” – многозначительно изрек Вася Косой. Он, задумавшись, попытался закатить под лоб глаза. Но они с этой задачей не справились, чем вызвали дружные улыбки. Хорошо Вася пока пытался думать, этого не заметил.

“Ладно! Рассыпались и ищем везде!” – Слава Сопелов решительно рубанул рукой воздух.

Поиски вернули в «казну» 11 штук.

“Ещё восемь, а до конца смены осталось полчаса! Извини, Карась! Нам нужно к сдаче готовиться!” – Слава развёл руками.

Ребята вернулись к своим обязанностям, а Костя загрустил. Он закрыл на ключ кладовку и пошёл в варочный цех. Узбек Рашидов заканчивал готовить плов. Открыв крышку электрического котла, он втянул ноздрями вырвавшийся из него пар. Широко улыбнулся, отчего крупные капли пота с его лба растеклись на широкие скулы.

“Готовая! – он захлопнул крышку, вытер руки о засаленный фартук. – Чего Карася такая грустная? Компота хочишь?”

– Ой, Мурад! Не до компота! – Костя присел на подоконник.

– Почему? Сладкая компота! Пей! – он зачерпнул солдатской кружкой из огромной кастрюли. Обтерев дно кружки фартуком, поставил на край стола: – Проблемы?

– Восемь ложек не хватает! – Карась отхлебнул, обжег язык и чуть не выронил кружку.

Да?! Син билесин а!!! – повар рассмеялся и хлопнул себя по бедрам. Увидев изумленный взгляд ложкаря, он сказал понятнее: “Уж твой-то не знает, откуда все их берут, когда мало?” Его одна густая бровь, протянувшаяся от правого века через переносицу к левому, поползла вверх.

– Откуда?! – Костя отставил компот и вскочил на ноги.

– Оттуда, куда кладут, – и многозначительно ткнув указательным пальцем в потолок, добавил: – Со стола!

Через минуту, на ломанном русском, повар объяснил, что этих восемь ложек нет давно. Нужно просто стащить их с уже накрытых и сданных столов. И прапорщик знал об этом, потому-то прошлый раз так спокойно «договорился». Карась помчался к ребятам.

“Ну? Сдаём ложки?” – Козлов заглянул в дверь с новыми: дежурным по столовой и «ложкарем».

– Сдаём! Считайте! – Костя с грохотом снял первый поддон.

Когда они ступили за порог кладовки, прапор спросил: “Ну вот! Можно же если нужно?”

Он внимательно посмотрел на солдата, что-то решая, мотнул головой и сказал: “Нет! Чтобы я тебя тут больше не видел!”

Так бесславно закончилась карьера Кости-ложкаря. “Жаль на ложках не научился играть, не до того было!” – шутил потом не раз Карась.

Пригород Калуги утопал в садах! Азарово. Дачи. Теплые звездные ночи! Запах поспевающих яблок сводил с ума. Когда рота в очередной раз заступила в наряд, взвод Карася направили в караул. В задачи караула входило охранение периметра и отдельных объектов. К охранению периметра готовились тщательно.

– Берите рюкзак побольше! – советовал ефрейтор Хромов.

– Отставить, рюкзак! Берите два вещевых мешка! – скомандовал замкомвзвода сержант Иванов. Родом из Ленинграда, он очень любил яблоки. Иванов был разводящим и «прикрывал» караул, когда караул, охраняя, сам нарушал этот периметр. Лазали через забор на соседние дачи за яблоками. Карасю досталось охранять злополучный класс с дизелями, где он нажил себе врага. Грибок часового, огромный дождевик, в недрах которого затерялся солдат. Яблоки в бездонных карманах дождевика. Всё.

– Папа! А кто такие военные-строители?

– О! Сыннок! Это отборные части!

Солдаты – звери просто!

Им даже оружие не доверяют!

Карась улыбнулся, вспомнив анекдот и замер. В темноте, между стеной и забором, на него быстро двигались два огня. Огни синхронно, но хаотично плясали и двигались навстречу.

– Стой! Кто идёт! – выкрикнул он.

Горло Кости отказалось выдавать командные частоты. Это прозвучало, как: «Караул! Спасите, кто может!»

Огни уперлись в дождевик. Испуганное: «Мяу!» и тень перемахнула через забор.

– Чтоб ты пропала, зараза такая глазастая! – рассмеялся Карась, приходя в себя от испуга. – Хоть бы штык-нож выдали, что ли?!

И хорошо, что не выдали. В караулке, когда он сменился отстояв два часа, обсуждали новость. В одной из строевых частей, солдат расстрелял из «калаша» весь караул. И сбежал. «Достали» сержанты, не выдержали нервы.

– Эх! Были бы у нас автоматы! – мечтательно пробормотал Юра Крылов, поправляя ослабленный ремень. Он случайно покосился на сержанта Иванова. Тот поежился и заерзал над сменным журналом. У сержанта была странная манера проверять караульного, подкравшись сзади.

Время охранения с 2 до 4 часов ночи, было самым тяжёлым. Закрывались веки. Карась впадал в нирвану, как вдруг зашуршала галька под чьими-то ногами. На него метнулась тень и Костя, отшатнувшись, успел выставить ногу. Тело упало шумно, с матом!

– Ты охренел, Карасёв!

Костя разглядел в поднимающемся теле сержанта Иванова.

– А ты не охренел, Иванов? Задолбал уже со своими проверками! – Костю понесло.

– Ты как разговариваешь, воин? Почему не по уставу?

– Был бы автомат, я бы тебя застрелил, а потом по уставу прокричал: «Стой стрелять буду!» Понял! – Карась завёлся так, что хотел запустить оставшимся яблоком в сержанта.

– Ладно, ладно! Придержи язык! Дух! Никому не рассказывай! – он отряхнул пыль и ушёл в ночь.

С первыми лучами солнца, утро принесло и неприятности. Пришел старик с соседней дачи и пожаловался комбату, что его яблони нещадно обнесли. Яблоки не нашли, перед стариком извинились, пообещав рабсилу, когда ему нужно будет. Больше шестая рота в караул не ходила.

Учёба шла полным ходом. Костя научился заводить разные электростанции: бензиновые, дизельные, ручкой, сжатым воздухом, аккумулятором. Постиг простую истину – в армии пригодятся любые способности, для того чтобы «откосить» от службы.

Карась выпускал боевые листки, рисовал, сочинял стихи. Играл на баяне на День части, оформлял Ленинскую комнату с такими же хитрыми «умельцами». Постоянные стычки с рыжим, выбивали из колеи. Рыжов был из другой роты, но их взвода вместе проходили практику. Два раза его, брызгающего слюной, еле оттаскивали от Карася. Тягаться в силе с ним Костя не мог. Но и рот держать на замке, тоже не получалось. Сашка разлагал дисциплину, а Костя шёл поперёк и ломал ему планы. Хотя, далась Карасю эта дисциплина? Даже комсорг роты молчал! А Костя нет!

Рыжов где-то раздобыл нож с выкидным лезвием. Однажды на перекуре, сцепившись с Костей, он ударил его по щеке. Карась с левой руки залепил в ответ! Тогда рыжий сбил Карася с ног и навалился всем телом. Он выщелкнул лезвие и приставил нож к горлу Кости.

– Всё, козлина, конец тебе! – прохрипел он.

Костя замер. Червяка предчувствий унесли хоронить. Нож больно врезался в кожу.

– Стой на месте! – прошипел Сашка Васе, который стал тихо приближаться к ним.

– Режь, сука! – прохрипел Костя, леденея от страха.

Глаза напавшего были безжизненными и страшными. Рука с налившимися венами, поросшая белыми волосками, касалась Костиного подбородка.

– Только тебя посадят и надолго, а я к тебе буду по ночам приходить! – Карась старался говорить спокойно и сам не верил в результат. Однако он сразу почувствовал дрожь прижатой руки и ослабление хватки.

– Убери нож! Решай, уже! Что разлежся, я тебе не баба! – Костя говорил быстро и напористо.

Рыжий вскочил. Он опять покраснел, как рак, обвел застывших ребят взглядом.

– Цыц! Кто вякнет – пожалеет!

Рыжов быстро зашагал в сторону склада и скрылся из глаз.

Карась не винил ребят, за то, что не «вписались» за него. Всё происходило из-за «ничего». Никому не понятен был мотив этого противостояния. Костя и сам не мог толком объяснить причину. Ну, бесит его этот рыжий и всё!

Наступила осень! Курсанты разъезжались по частям. Уже новый набор приступил к занятиям, а за «уральской восьмёркой» никто не ехал. Их сняли с довольствия, пришлось освободить койки. Спали на матрасах под койками. Ребят никто не трогал, никому до них не было дела.

– А это что ещё такое! – дежурный офицер заглянул под кровать, откинув свисавшее одеяло. – А!!! Дембеля!!! Вы тут ещё? Ну-ну!

«Малый дембель» – так и назвал это время в шутку Карась. Но однажды, ближе к полудню, Костя увидел, идущую вдаль по плацу, фигуру. Сердце дрогнуло. Человек шёл тяжело, грузно. Карась позвал ребят. Они, приставив ладони к глазам, всматривались в приближающегося незнакомца.

– Прапор! Наш! За нами! – Юрка вздохнул. – Посланец Тайги...

Прапорщик, наконец, осилил разделяющее их расстояние.

Потрёпанная форма и бронзовое, не местного загара лицо, выдавали в нём чужака.

– Здорово, мабута! – прапорщик окинул и их цепким взглядом и пропел. – «Солдат молоденький! В пилотке новенькой!» Хорошо выглядите! А «ваши» там уже истрепали одежду! Собирайтесь! Сегодня выезжаем!

На КПП произошла заминка. Прапорщик забыл пакет с проездными документами и послал Карася в строевую часть. Когда Костя возвращался обратно, его окликнули. Обернувшись, Карась остановился. Метров в двадцати от него, из-за казармы вышел Рыжов. Сашка шел к нему виляющей походкой. Он был почему-то в шинели и держал руку за отворотом.

– Уезжаешь, Карась? – криво усмехнувшись, спросил рыжий.

– Ну! – процедил Костя, не спуская глаз с отворота, где пряталась рука соперника.

– Боишься? Как думаешь, что там? – Рыжов продолжал улыбаться.

– Ну, явно не конфета! Давай, доставай! – Карась напрягся и отставил одну ногу для упора, на всякий случай.

– Угадал! Не конфета! Вот! – тот вынул руку, в ней была зажата початая бутылка водки.

– Ты пьяный, чума? – удивился Карась. Стала понятна странная улыбка и нелепая походка.

– Ага! Выпивши! Есть повод! Ты уезжаешь! Ну, что? Выпьем мировую? – рыжий сделал пару глотков и протянул бутылку Карасю.

– А давай! – Костя приложился к горлышку, сделал несколько глотков и вернул бутылку. Рыжов протянул раскрытую ладонь для пожатия. Карась, чуть помедлив, хлопнул по ней пятерней и крепко пожал. Сашка неожиданно приобнял его второй рукой. Дыхнул в лицо перегаром и вдруг сказал:

– Ну, счастливо тебе! Держись, там! Как тут держался!

Он резко повернулся и пошагал назад.

– Эй! Сашка! – окликнул его Карась, – А ты чего «дисбата» так боишься?

Тот крутанулся, шире расставил ноги, развёл руки в стороны ладонями вверх, и совершенно серьёзно ответил:

– Мама у меня дома одна больная, мне обязательно нужно вовремя вернуться! – так с разведенными руками и пошел прочь.

Карась с изумлением смотрел, как уходил Сашка. Что это было с ними? Зачем так?

– «Через одно окно всю улицу не увидишь!», как сказал бы мой друг удмурт... – Костя вздохнул и потопал на КПП.

– Товарищ прапорщик! Остановите поезд!

– Поезд! Стой! Раз-два!!!

Анекдотов про прапорщиков огромное количество, смейся – не хочу. Но было совсем не до смеха, когда группа на электричке прибыла в Москву.

– Сидите здесь! Пойду, узнаю, что и как! – прапор ушёл и пропал.

– Всё! Не дождусь его! Я сбегая сам разузнаю, когда поезд! – Мишка Иванов вскочил и помчался через зал. Минут через десять он вернулся. Вид у него был растерянный.

– Пацаны! Мы попали! Я расписание посмотрел! Поезд завтра вечером!

– Как завтра? Почему? – ребята закидали Мишку вопросами.

Три часа трястись в электричке до Москвы, чтобы узнать, что поезд «Москва – Магнитогорск» ходит по нечетным числам? Сегодня было чётное. Это означало, что их поезд будет отправляться через сутки.

– Что за митинг? Я узнал! Поезд в 21.32, отправляется с 4-го пути 3-й платформы! – деловито сообщил вернувшийся сопровождающий.

– Ясно, товарищ прапорщик! А какого числа? – Карась серьёзно посмотрел на руководителя.

– Отставить тупить! Сегодня 20-е? Значит 20-го! Логика уловили? Заучились, смотрю совсем!

– Товарищ прапорщик! Разрешите обратиться! – Иванов вытянулся в струнку и преданно посмотрел в глаза прапора.

– Обращайся!

– А двадцатое это чётное число или не чётное? – Мишка постарался сохранить невозмутимое выражение лица.

– У-у-у... Я смотрю, дела совсем плохи... – с сочувствием протянул носитель двух звёзд на погонах. – А я думал «ученье свет!» Сообщаю! 20-е число чётное! Понятно? Я в кассы билеты оформлять, а вы ждёте! Ясно?

– Ясно! – Мишка расслабился и сел на место.

– Ну? И чего ты ему не сказал? – спросил Карась.

– Его щас там без нас «осчастливят». Вы хотите сидеть тут сутки?

– А есть выбор? – Юрка Крылов покосился на Мишку.

– А то! Я-то из Москвы! И, если мы уломаем прапора, можем поехать ко мне домой! Побалдеем сутки. В кино ходим!

– Какое кино? Мы в командировке, патруль «повяжет» без увольнительных! – Юрка отмахнулся.

– Какой патруль? Я на Капотне живу! Щас на метро быстро метнёмся, дома переоденемся и гулять!

Они не успели, как следует обсудить план по обработке начальства, как оно появилось.

Просто картина Решетникова «Опять двойка!» Портфель стучится в заплетающиеся ноги, фуражка на боку, взгляд потерянный.

– Сразу не могли сказать? Устроили тут, – он бухнулся на скамью, снял фуражку, вытер пот, – я за сутки сидючи тут «сандали откину!» У меня ревматизм обеих ног! Ай! Мне бы сапоги снять!

Он морщился, стучал носками яловых сапог друг о дружку. Карась решил.

– Товарищ прапорщик! Иванов местный! Предлагает поехать к нему домой и там побыть до поезда!

– Какой домой? Мы в командировке! Территорию вокзала не имеем права покидать!

– Это площадь трех вокзалов! Мы может тут крутиться и с любого уехать на метро ко мне домой! Остановят, скажем: «Едем на Казанский и попутали ветки метро». А на Капотне сроду патрулей не было, – Мишка стал горячо убеждать прапора, – а дома горячая ванна для ваших ног, а? Товарищ прапорщик? Поспите по-человечески! Ну?!

Тот хотел было возразить, но его ноги были «За», отозвавшись ноющей болью. Уже не сержант, но ещё не офицер, простонал:

– Ванна точно будет? Вина бутылочка найдётся?

– И бутылочка найдётся, и ванна будет! – Мишка умоляюще сложил руки.

– Эх! Была – не была! Вези!

Они, смешавшись с толпой, покинули вокзал. Метро, потом автобус и добрались. Промзона у МКАДа.

– Ну и райончик! Не скажешь, что Москва! Как у нас в райцентре! – Игорь Саенко покрутил головой вокруг. – Только у нас чище.

Да, вид был ещё тот. Мусорные баки переполнены, обшарпанные многоэтажки жались друг к другу. Ларьки, пара магазинов, да кинотеатр Хрущевских времен. Вдали высились огромные трубы, из которых валил то ли пар, то ли дым.

– Нормально! За мной! – Мишка подхватил портфель прапорщика и ускорился.

На соловьиную трель звонка открылась дверь. На пороге стояла пожилая женщина.

– Привет, бабуля!

– А! Миша! Заходи! И вы ребята, заходите! – она, приветливо улыбнувшись, ушла вглубь квартиры.

Удивлению прапорщика не было предела:

– «А, Миша, заходи?!» Ёкарный бабай! Да если бы я хоть на денек домой заехал, все бы ошалели от радости! Пили бы три дня!

Саенко прояснил ситуацию:

– Они каждые выходные к нему приезжали! Не соскучились.

– Ну, вы тут зажрались, вот что я вам скажу! – махнул рукой прапор. – Где ванна?

Иванов не обманул. Поезд, отправляющийся с Казанского вокзала, оставлял уже в прошлом кино, вино и вкусные пирожки Мишиной бабушки. Через сутки и шесть часов, станция Юша вновь встретила их светом прожекторов и лаем собак.

– Ну, здравствуй, Башкирия! – Карась вдохнул горный смолистый воздух Южного Урала. Он поежился, как и в первый свой приезд сюда. Червяк дурных предчувствий проснулся, потянулся, зевнул и чихнул. «Чтоб ты сдох!» – пожелал ему хозяин. Но, как показала практика, этот ползучий редко ошибался.

Конец сентября был дождливым. День уменьшился, и развод батальона происходил в утренних сумерках. Мохнатые звезды висели над сопками так, что казалось можно дотянуться до них рукой.

– Батальон, смирно! – дежурный по части, приняв доклады ротных, отрапортовал комбату.

– Товарищи солдаты! – медленно с расстановкой начал комбат с трибуны.

– «Что я хочу вам сказать...», – пробурчал стоящий сбоку прапорщик Веретенников.

– Что я хочу вам сказать! – не экономил время майор Алексеев.

– «А сказать я хочу вот что!» – уже зло произнёс Веретенников и, сплюнув, добавил. –

Тормоз, мля...

– А сказать я хочу вот что! – осиливал утреннее обращение комбат.

Хотелось кушать, хотелось в тепло, а «Тормоз» размазывал кашу слов по тарелке своей речи. Призывал, увещевал, угрожал и по-отечески «обращал внимание». Именно сегодня нужно было сделать больше чем вчера! И вся страна только на это и надеется!

Прапор Веретенников уже исчерпал запас матерных слов. Просто зло сплевывал пока, наконец, не закончился развод.

– Первая рота прямо, остальные напра-во! В столовую ша-а-го-о-ом арш! – радостно скомандовал дежурный.

– Какие, к лешему, электро-дизелисты? – Вопросил начальник штаба майор Богатов, по кличке «Таракан». – Мы ж вас на связистов посылали! Дизелист у нас свой! Ему еще год служить! Дизель и так раз в сто лет заводится, когда света нет. Ему самому делать нехрен! И куда мне вас девать? Бригады укомплектованы...

Высокий, плотного телосложения «Таракан», расправил свои иссиня-черные усы. За эти усы и получил кличку, а ещё за вредность. Майор славился дурным характером. Зимой и летом он носил фуражку с завышенной талией, сшитую на заказ. На руках кожаные перчатки. Ходили слухи, что он там прятал свинчатку. Любил «наводить порядок», потому что «езде бардак, куда бы он ни пришел». На глаза ему было лучше не попадаться. Махал руками направо и налево, «кто не спрятался, я не виноват»!

– Марш в роту! Хватит тут стоять и лениться! – Прикрикнул он на ребят. – Скажите старшине, чтобы работой вас нагрузил!

Они не стали ждать повторного приказа.

– Эй! Какой работой? Вы кто? Какой – такой учебка? – старшина первой роты Рамазанов смотрел недовольно. Отвлекли от пред обеденного чаепития в каптёрке.

– Ну, вот! Отучились и вернулись! – Карась пожал плечами.

– Ой, вот зря вернулись! Откуда форма новая? – Рамазанов оглядел их с головы до ног. – Сапоги... Ну, считай вы босиком!

– Почему босиком? – Крылов спросил и посмотрел на свои сапоги.

– Потому, что максимум две ночи и сапоги ваши уйдут! – Старшина махнул рукой. – Так, сейчас идите к Дежурному по роте, он вам скажет, что делать.

Весь день они мыли полы, драили умывальники, а с вечера еще и в наряд на сутки «залетели». Когда рота вернулась с работы, их обступили те, кто помнил по карантину. Приветствовали, хлопали по руке, здороваясь.

– Здорово, брат! – Удмурт Коля крепко обнял Карся. – Вернулся, наконец? А я уже месяц отработал! Я – пистолетчик! – Гордо объявил Буранов. – Металлические конструкции к бетону пристреливаю!

– Ну, а что тут вообще? Как устроено? – спросил Костя.

– Да, как? Кто куда сумел пристроиться, остальные в бригадах. Строим дома панельные в посёлке. Утром в 7 часов уходим, в 19 часов приходим. Обед возят туда! Суббота и воскресенье выходной, так в части «припахивают»! Одежду уже всю износили! Я себе уже вторые сапоги купил!

– Как купил? Где? – Юрка всерьёз озадачился замечанием старшины.

– У ВВ-шников! За 13 рублей, почти новые. А вы как?

– А мы? – Костя пожал плечами. – «Таракан» сказал, место занято. Да и оно одно, а нас двое.

– Плохо! – прищелкнул языком удмурт. – Долго вас в роте не продержат, не найдете места себе, загремите «на лопату».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.